

УДК 929

Донских О.А.

**Нина Михайловна Кристесен –
основательница русистики на пятом континенте**

Nina Christesen - Founder of Russian Studies at the fifth continent

Научное сообщение посвящено жизни и деятельности выдающейся представительницы русской эмиграции в Австралии – Н.М. Кристесен.

Ключевые слова: *Австралия, русская культура, русская эмиграция, русский язык*

The scientific message is devoted to the life and work of outstanding representative of Russian emigration to Australia – N.M. Christesen.

Key words: *Australia, Russian culture, Russian emigration, the Russian language*

Мне довелось знать Нину Михайловну Кристесен, урождённая Максимова, (23.12.1911 – 8.8.2001) в последние семь лет её жизни и близко общаться с ней по самым разным поводам, включая издание основанного ей журнала «Melbourne East European and Germanic Studies» и финансируемой ею серии «Русские в Австралии». В 2003 году под моей редакцией в этой серии вышел сборник воспоминаний о Нине Михайловне [1].

Нине Михайловне довелось в жизни общаться с большим количеством людей, известных как в Австралии, так и в России. Со многими выдающимися австралийцами она общалась, потому что её муж Клем Кристесен был издателем журнала «Миэнджин», стоявшего на весьма левых позициях и объединявшего вокруг себя либеральную австралийскую интеллигенцию. В пятидесятые годы – годы разгара холодной войны – это было вызовом господствующему общественному мнению. Именно на это время приходится и расцвет созданного Ниной Михайловной в 1946 г. в Мельбурнском университете Русского отделения, когда на нём учился полторы сотни человек, а на некоторые циклы лекций, посвящённых русской культуре, приходит множество студентов других направлений.

ДОНСКИХ Олег Альбертович, д. филос. н., заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления, главный редактор журнала «Идеи и идеалы» (г. Новосибирск). **E-mail:** olegdonskikh@yandex.ru

Благодаря её усилиям это отделение выходит на самый высокий уровень преподавания, а библиотека Мельбурнского университета получает более 30 тыс. книг на русском языке. Как в Австралии, так и в России Нина Михайловна познакомилась и общалась с рядом крупных представителей русской науки и культуры, список которых поражает воображение – здесь Анна Павлова, А.Ф. Керенский, епископ Камчатский Нестор (Анисимов)¹, Татьяна Львовна Толстая, Корней и Лидия Чуковские, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Б.Г. Унбегаун, Патрик Уайт, Исая Берлин, В. Палмер и мн. др. Виктор Некрасов написал о ней в своих путешествиях, о встрече с ней упоминает наш известный ведущий передачи «В мире животных» Николай Дроздов. (Кстати говоря, по матери, Татьяне Семёновне Максимовой, Нина Михайловна состояла в родстве с замечательным славистом, академиком М.П. Алексеевым).

Кроме названного выше сборника «Русский в Австралии» о ней написаны книги: J. Armstrong. *The Christesen Romance*. (Melbourne: Melbourne University Press, 1996) и Донских О.А. *Остров Элтам, или одна счастливая русская жизнь*. (Новосибирск: Сибирское соглашение, 2006).

К сожалению, так получилось, что при её жизни пожар уничтожил значительную часть её бумаг и материалов, а Сненхоуп - дом, который она хотела сделать филиалом Мельбурнского университета, - был продан, участок, на котором он стоял, разделён на несколько более мелких, которые уже почти полностью застроены. И вдобавок значительная часть из книг, которые она покупала для университета, была распродана из-за отсутствия места.

Настоящая статья посвящена главному делу Нины Михайловны – организации преподавания русского языка в Австралии.

Нина Михайловна всегда переживала, что ей не хватает образования. Дело в том, что по недостатку средств (Максимовы приехала в Брисбен в 1925 г. из Харбина, мама не работала, а отец, за редким исключением, перебивался на плохо оплачиваемых временных работах) ей приходилось содержать семью и поэтому (даже блестяще закончив школу и получив среди нескольких выпускников Квинсленда направление в университет) она смогла учиться лишь заочно и получила степень бакалавра искусств (см. Приложение). Это всегда её мучило, и она в любой момент готова была передать свою должность человеку, который бы имел докторскую степень. Сама же она не хотела заниматься докторской, поскольку считала, что в этом случае она не сможет сочетать организаторскую работу с научной и при этом выполнять семейные обязанности, поскольку к каждой из этих трёх сфер она относилась с максимальным уважением и добросовестностью. Хороший пример этому даёт в своих воспоминаниях М.И. Ульман: «Нина Михайловна приняла участие в сборнике работ о международных литературных связях, посвящённом М. П. Алексееву. Она дала в сборник небольшую статью о роли русской литературы в становлении художественного творчества Вэнса Палмера. В процессе работы над этой статьёй Нина Михайловна "прочесала" множество текстов Палмера, сделала массу выписок, перечитывала Толстого и Достоевского. Она просто не представляла себе, как можно отправить что-нибудь в печать, не всё додумав, чего-то не проверив. И, в конечном счёте, её статья отлично вписалась в контекст работ профессиональных компаративистов» [1, с. 141]. По своим наблюдениям могу сказать, что Нина Михайловна тщательно продумывала каждое слово в любом тексте, который выходил из-под её пера.

Все свои усилия она сосредоточила на сфере преподавания и опу-

¹ Впоследствии митрополит Новосибирский и Барнаульский, а потом митрополит Кировоградский и Николаевский.

бликовала всего несколько статей, посвящённых творчеству Льва Толстого, Вэнса Палмера и нек. др. При этом она старалась (и не просто старалась – считала своим долгом как заведующая отделением) всё время быть в курсе самых последних достижений в области русистики и именно с этой позиции оценивала работы своих сотрудников, имевших степени. Не боялась вступать с ними в споры, и часто эти споры выигрывала. Но учёной при этом она себя не считала. Тем не менее, она говорила мне, что подала в отставку со своей должности именно потому, что уже не могла, как прежде, читать журналы по славистике и по методикам преподавания и поэтому полагала, что она не вправе быть главой Русского отделения.

И уже будучи в отставке, она постоянно делала что-то для родного отделения: издавала серию «Русские в Австралии», собирала и редактировала статьи для журнала «Melbourne East European and Germanic Studies», приглашала для выступления учёных, приезжавших в Австралию (так, она организовала моё выступление в 1991 году, когда я приезжал в Мельбурн первый раз), продолжала пополнять библиотеку, организовала свой и своего мужа Клема архив в спецхранилище университета, и др.

Видя, что преподавание русского языка постепенно гаснет не только в Мельбурнском университете, но и в других университетах Австралии (то же в той или иной степени касалось и других языков), она обращалась с письмами к тем, кто мог повлиять на ситуацию. Уже буквально за несколько дней до кончины она сумела организовать большую встречу в университете с присутствием Канцлера университета и Главы школы языков. Поводом послужил выход в серии «Русские в Австралии» (№ 28) путевого дневника Александра Леонидовича Яценко, который проехал по Австралии в 1903 году. Перевод этой книги прекрасно сделал Питер Тилли, написавший ещё введение и примечания. Нина Михайловна надеялась, что эта встреча позволит усилить позиции русского языка в университете.

К сожалению, этого не произошло, и в настоящее время, насколько мне известно, преподавание русского языка ограничивается всего двумя университетами в Австралии (Мельбурнский и Квинслендский)¹, и ведут занятия всего два преподавателя. Они обращались за поддержкой к правительству РФ. При этом, зная, что такие страны, как Франция, Англия и другие, приглашают и оплачивают преподавание своего языка и культуры в других странах, они предлагали, чтобы Россия оплачивала работу хотя бы одной ставки преподавателя в течение года, и два человека могли бы приезжать на один семестр в год. Но ситуация пока не улучшается.

О начале Русского отделения сама Нина Михайловна рассказывала так²: «По ходу дела мне часто приходилось общаться с тремя профессорами, впоследствии «ангелами-хранителями» Русского отделения. Это были профессор Чизхолм (A. R. Chisholm), декан факультета гуманитарных наук, Гибсон (B. Gibson) – философ, и профессор Кроуфорд (R.M. Crawford) – историк. С ними я не раз говорила о том, что желательно ввести в университетскую программу изучение современных языков помимо французского и немецкого, в частности, русского, и, с их согласия, провела в университете несколько публичных дискуссий на эту тему».

¹ Кроме того, русский язык преподаётся в Университете Макуори (Сидней). (Прим. ред. рубрики)

² В дальнейшем тексте я без указаний страниц использую отдельные цитаты из моей книги «Остров Элтам», поскольку они содержат аутентичное воспроизведение записанных мной рассказов самой Нины Михайловны или близких к ней людей.

«И вот, наконец, было решено начать преподавание русского языка в Мельбурне. Был объявлен конкурс на замещение должности преподавателя русского языка и литературы (lecturer). Я, естественно, обрадовалась, но мне и в голову не приходило самой подавать заявление. Я считала, что мои квалификации не позволяют мне преподавать в университете. Главные предъявляемые кандидату требования были сформулированы довольно туманно – необходимо университетское образование (предпочтение отдавалось признанным английским или австралийским университетам) и «языковая компетентность». Не указывалась ни степень университетского образования, ни даже русский язык как таковой. Вроде бы я могла подать заявление со спокойной совестью. Соблазн был огромный. Я любила педагогическую деятельность вообще. А тут одна мысль, что предметом преподавания будет мой родной язык, родная литература, всё, что мне было мило и дорого, - это уже был соблазн, против которого я не могла устоять и не устояла. Я напечатала заявление на старой пишущей машинке декана и отдала его в руки председателю избирательного комитета за пять минут до заседания».

Конкурс происходил в 1946 году. Не было ничего – ни книг на русском, ни учебников, ни даже пишущей машинки с кириллицей. Кроме того, русский язык не преподавался ни в одном среднем учебном заведении, а это означало, что, в отличие от французского или немецкого, нужно было начинать с нуля. Что делает Нина Михайловна?

Понятно, что нужно было сначала сделать самое необходимое: подготовить раздаточный материал на русском языке, достать хотя бы какие-то книги, найти преподавателей, и т.д.

Более интересно, мне кажется, определить те способы, которые Нина Михайловна положила в основу обучения. Дело в том, что мне довелось встречаться с некоторыми бывшими её учениками, и результат здесь поразительный. Через много лет жизни в англоязычной среде и отсутствия общения на русском они практически свободно общались на языке. Поэтому и интересно, как же велось обучение. Надо сказать, что оно не вырабатывалось спонтанно. Нина Михайловна, уже будучи опытным педагогом и имея за спиной преподавание нескольких языков в средней школе Св. Эйдена, вовсе не полагалась на свой опыт, а внимательно изучала те системы обучения языкам, которые были в Австралии, а потом во время своих поездок в Европу и в Россию она в первую очередь знакомилась именно с тем, как учат языки. Кроме того, она несколько семестров преподавала в Оксфорде, общаясь с такими крупными славистами как Б.Г. Унбегаун и С.А. Коновалов, Д.Д. Оболенский. Очень положительно она отзывалась об Андре Мазоне и о ряде советских профессоров, включая А.И. Смирницкого, О.С. Ахманову, Н.К. Гудзии и др.

Наиболее бурная жизнь Отделения пришлась на конец 1950-х – начало 1960-х гг. Маргарет Траверс в статье «Первые двадцать пять лет» (Melbourne Slavonic Studies № 5-6. 1971) написала про расцвет Отделения: «После запуска спутника в 1957 году заявления подали 157 человек. В 1971 году в пяти австралийских университетах русский язык и литературу изучали около четырестот студентов, около тридцати, окончив обычный курс, продолжали учёбу. Общее число полных штатных преподавателей достигло 27, плюс 6 преподавателей работали на часть ставки». Позже, при самой Нине Михайловне, которая руководила Отделением до 1976 года и затем при её преемниках – проф. Роланде Сасексе и доценте Поле Кабберлее – Отделение уже никогда не было столь значительным. Правда, нужно отметить, что не без помощи Нины Михайловны в других университетах Австралии начали преподавать русский язык и литературу.

Итак, о способах. Нина Михайловна считала, что для обучения

языку необходимо создать соответствующую атмосферу. Даже столы у себя она поставила буквой Т, как их ставят в кабинетах в России. По её убеждению, Русское отделение должно было стать и стало территорией русской культуры. Здесь должна была звучать только русская речь. Кроме того, здесь должны отмечаться русские праздники и должны соблюдаться русские обычаи. При отделении был клуб поэтов (его вели преподаватели Отделения Д.М. Гришин и И.И. Межаков-Корякин), были театр и хор. Надо сказать, что Нина Михайловна очень уважительно относилась к преподавателям и в случае необходимости готова была их защищать любой ценой. Главными критериями качества преподавателя для неё являлись профессионализм и любовь к русской культуре.

Лучше всего об атмосфере, которая царила в Отделении, прекрасно сказал один из лучших учеников Нины Михайловны Том Готт: «Кто-то мне сказал: «А вы сходите на четвёртый этаж здания «Бэйбл» [так называлось здание, где преподавали европейские языки] и поговорите с заведующей отделением русского языка. Может быть, что-нибудь из этого выйдет...» Я поблагодарил за совет. Поднялся на лифте на четвёртый этаж и вышел в коридор. Одна дверь была приоткрыта, и оттуда был слышен женский голос. Кто-то разговаривает по телефону и повторяет одно слово: «Да. Да-да. Да-да-да». Нежный женский голос, как будто летит куда-то. Этот голос, это непонятное мне слово ... и я сразу влюбился в русскую речь, в русский язык. Я заглянул в кабинет, увидел улыбающуюся женщину: «Входите, мальчик, чем я могу вам помочь?» И в этот самый момент я понял, что нашёл свой «родной» иностранный язык и уже предчувствовал, как приятно будет заниматься в отделении, которым заведует такой ласковый, интеллигентный, добрый человек, как Нина Михайловна ...» «Сразу с первого курса Нина Михайловна незаметно, но настойчиво стала погружать нас в русскую речь. Все преподаватели говорили со студентами любого курса (включая и первый) только по-русски – бывало, коридоры прямо звенели музыкой русского языка. Мне кажется, и смех там звучал особый, именно русский. И когда Отделение переехало с четвёртого этажа на первый, всем входящим в здание казалось, что они попали в русский дом. Особенно это ощущалось ярко к концу каждого года, когда этот дом наполнялся запахами русских пирожков, блинчиков, хвороста – это Нина Михайловна во время экзаменов и зачётов подкармливала нас, бедных, измученных студентов» [1, с. 55-56]. Особенно любимым праздником была, как и положено, Пасха. В то время, как в Австралии, как и в Европе, главным христианским праздником является Рождество.

Вообще, Нина Михайловна была прирождённым учителем. Она никогда не боялась сказать, что чего-то не знает, и в этой ситуации предлагала разбираться вместе с учениками и со студентами. Могла тут же при студентах позвонить маме или другу и спросить то, что забыла или не знала. Рэй Мэтью (ставшая преподавателем русского языка в университете, Нина Михайловна называла её «Раечкой») вспоминает забавный случай: «Она умела воспользоваться всем происходящим вокруг для педагогических целей. Однажды на лекции на неё вдруг напала икота. Сначала она пыталась преодолеть её, но быстро сообразив, что тут налицо, так сказать, наглядная демонстрация легко понимаемого и спрягаемого глагола, залилась смехом и сказала: «Я икаю». По крайней мере хоть одна студентка запомнила это и помнит урок 40 лет спустя» [1, с. 101].

Читать на русском начинали с самого начала, когда студенты ещё совсем не знали языка. Студенты должны были вечерами в 6:15 собираться и слушать русскую речь. Первыми шли маленькие рассказы Льва Николаевича Толстого из его «Азбуки».

В то время, когда у нас разрабатывали метод погружения, Нина Михайловна пользовалась этим методом при обучении языку: каждое лето Отделение выезжало в Шорхам – прелестное местечко неподалёку от Мельбурна, принадлежавшее другу Клема и Нины художнику Мак-Каллуму. Том Готт вспоминает: «Целую неделю мы жили в русской среде в доме её друзей. Нина Михайловна давала нам русские имена – Фома (я!), Лариса, Таня, Катя, Аня, Марина, Лиза, Алёша Маленький, Алёша Большой, и так далее. Была система штрафов за каждое нерусское слово. Говорили по-русски, читали по-русски, пели песни, обсуждали литературные произведения, ставили пьесы, и, конечно, ходили в лес собирать ягоды и грибы (рыжики и маслята). Всё как в России. В лагере мы должны были даже бояться по-русски! Я помню: однажды летучая мышь залетела в дом. Наша реакция должна была быть только русской! Это была моя первая встреча со словом «Помогите! Помогите!» [1, с. 57]. Обычно приезжали 15-20 человек и 2-3 преподавателя. Приглашались русскоязычные гости. Этому Нина Михайловна придавала особое значение. Она считала, что даже у лучших преподавателей русского языка и литературы за долгое время жизни в иноязычной стране язык становится деревянным, утрачивает пластику и живость. Поэтому необходимо или регулярно ездить в Россию, или как можно чаще общаться с людьми, приезжающими оттуда. Как вспоминает Рэй Мэтью, день в Шорхаме строился так: «Утром мы занимались. После обеда обычно ходили на пляж, купались, потом готовили ужин. А вечером кто-то читал вслух, кто-то декламировал стихи, читали пьесы, и, разумеется, много пели» [1, с. 101]. Ещё ходили за грибами. (Здесь надо сказать, что в австралийской культуре «собираение грибов отсутствует в принципе. Больше того, к грибам, собранным в лесу, а не купленным в супермаркете австралийцы относятся с большим подозрением и даже с презрительностью.)

Ещё один интересный момент. В австралийских школах при обучении языку не преподают грамматику. Вместо этого ребята пишут множество эссе на разные темы. Но это становится проблемой при обучении иностранным языкам. Нина Михайловна начинала курс с того, что студенты в течение семестра проходили грамматику английского языка, чтобы потом можно было заниматься русской грамматикой.

При этом преподавателем она была очень строгим. Так, я сталкивался с людьми, которые считали её несправедливым педагогом. Оказалось, что это, как правило, были дети эмигрантов из России. Нина Михайловна считала, что они должны знать язык и литературу лучше и предъявляла им более высокие требования.

Наряду с языком преподавалась русская литература, к которой Нина Михайловна относилась с благоговением, считая её величайшей литературой мира. Она говорила, что английской литературы больше, но по глубине русская её превосходит. При этом в первую очередь она ценила моральную её направленность. И считала это главным в преподавании. Очень показательным здесь является случай с книгой Элен Демиденко «Рука, подписавшая приказ». Книга вызвала скандал. Смысл этой книжки в том, что украинцев всегда русские притесняли. Украинцы, ведь, от варягов произошли и были голубоглазые, высокие блондины, а русские с татарами смешались, с финнами, и украинцев ненавидели. А потом после революции русские, и в особенности евреи, решили вообще с украинцами-варягами покончить и голод организовали. Поэтому когда Гитлер напал на Украину, его хлебом-солью встретили, варяги – арийцев, и поэтому многие украинцы в лагерях потом служили, помогали Гитлеру. Написана книжка живо довольно, только многое в ней украдено из известных австралийских писателей. А те, кто книжку оценивал, не очень люди грамотные, и на основании кусков хо-

рошей прозы начали ей давать одну награду за другой. А затем пошла волна протестов со стороны австралийской интеллигенции, обвинявшей автора в национализме».

Рассказывая это, Нина Михайловна очень переживала всю эту историю, особенно из-за того, что один из её бывших студентов принял участие в дискуссии на стороне Демиденко. «Я не могу понять, как человек, который у меня учился и который знает русскую литературу, мог такое написать!» Нина Михайловна возмущалась: «Какой же смысл учиться и какой же смысл ходить в университет, считать себя учёным, если, прежде всего, тебе не хочется добиться до правды? Во всём мне хочется дойти до самой сути. Конечно, у Пастернака это немного искусственно, но всё же что-то в этом есть. Действительно, что-то хочется найти, правду».

Она понимала это так: «Насчёт преподавания литературы. Тут, конечно, надо давать знания. Можно давать схемы. Но если ты преподаёшь, скажем, язык и литературу – а я считала себя ответственной и за то и за другое – необходимо, чтобы они сами занимались и языком и литературой. Их надо заражать, это не только дело ума, но и чувства...» И ещё: «Существует такое мнение, что преподавать литературу неправильно, так, как её преподают в университете. И я отчасти с этим согласна. Иногда это кончается тем, что студент заучивает, это нетрудно, масса всяких есть критиков, и про Шекспира, и про других. И вы всё это прожуете, продумаете, и потом вы можете очень складно, дельно говорить о любом каком-то моменте шекспировского производства». Нина Михайловна считала, что литература нужна для формирования личности, поэтому она так ценила русскую литературу за её моральную учительность, за страстный поиск правды-справедливости. Вообще она довольно скептически относилась к такому подходу к литературе, который реализовывался в обязательных докторских, а не в общей культуре личности. «Знаете, когда я начинала работать, в университетах было совсем немного людей с докторскими званиями. Очень народ был начитанный, много писали. Были очень образованные люди. А потом в Америке пошла мода, что надо обязательно защитить докторскую диссертацию, причём чтобы она отвечала известной схеме. Только поднатужиться надо».

Большое значение придавалось театру. Организовывала всё Нина Михайловна. Но поскольку она не была профессиональным режиссёром, для постановки пьес она приглашала специалистов. Так М.С. Стефани поставила «Сказку о царе Салтане», которая с успехом прошла на сцене Мельбурнского университета.

Из сказанного понятно, что преподавание литературы для Нины Михайловны было лишь частью погружения людей в русскую культуру. Заметную роль в истории университета сыграл цикл открытых лекций, который читали специалисты по русской культуре для студентов университета. Этот цикл посещали, конечно, не только представители Русского отделения. Нина Михайловна рассказывала: «Я тогда и обратилась к Дэвису¹ и попросила его прочитать три бесплатные лекции. Он согласился. Потом обратилась к историкам, советологам, и т.д. Они читали кто по одной, кто по четыре лекции. А после лекций я разбивала студентов на группы и мы организовывали дискуссии. И потом студенты писали всякие сочинения. Курс был очень популярный. В первый год пришли тридцать с чем-то человек, в следующий год – шестьдесят-семьдесят, третий год уже больше ста. Другие организовались, и итальянцы и французы, и тоже организовали подобные курсы. Мы ввели эту моду». Мне довелось встречаться с теми, кто с удовольствием вспоминал эти лекции через много лет после окончания университета.

¹ Дэвис МакКаги – в то время губернатор штата Виктория.

Таким образом, в заключение можно заметить только, что именно добрая память тех, кто соприкасался в своей жизни с замечательной женщиной – Ниной Михайловной Кристесен – и есть, наверное, самый главный итог её жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Автобиография Н.М. Кристесен
(С некоторыми дополнениями из CV)

1911– родилась в России 23.12.11. [В документах место рождения указано как Санкт-Петербург, в действительности Нина родилась в Благовещенске, куда мама приехала к мужу]. Отец: капитан Михаил Максимов, торговый флот, умер в 1967. Мать: урождённая Татьяна Семёновна Алексеева-Подоскина (1888-1979). Родители, а также дедушки, бабушки, прадедушки и прабабушки, - все жили в Санкт-Петербурге, где я провела своё детство до 1917 года. Я помню начало революции и наш путь из Санкт-Петербурга в Сибирь и потом в Манчжурию.

1918–1925 – жизнь в Харбине; школа; наш китайский повар; наш китайский садовник; епископ Нестор; голод 1920-х; «Русский дом». Первый опыт преподавания.

1925 – отбытие из Харбина – Япония – на «Танго Мару» в Австралию. Брисбен. Русские поселенцы. Школы, стипендии, работа. Член профсоюза разнорабочих. J.P. (Justice of the Peace). Квинслендский университет.

1934 – Бакалавр искусств.

1935 – 1943 – Старшая учительница (Senior Mistress) в школе для девочек им. Св. Эйдена. Президент ассоциации средних школ (Secondary Schools Mistresses Association). Судебное дело в отношении зарплат учителей негосударственных школ. Инструктор Института современных языков Квинслендского университета. Тьютор в женском колледже.

1942, 23 января – вышла замуж за Клемента Бирна Кристесена (Clement Byrne Christesen).

1944 – Старшая учительница (с обращением «Сэр») в англиканской школе для мальчиков в Брисбене (Boy's Grammar School – «Churchie»). Клем приглашён ректором Мельбурнского университета перевести его журнал Мизэнджин Пэйперс (Meanjin Papers) в Мельбурн.

1945 – Переезд в Мельбурн. Тьютор-организатор (Organising Tutor), Совет по образованию взрослых, Мельбурнский университет.

1946–1976 – Преподаватель (Lecturer) русского языка и литературы Мельбурнского университета. Основатель первого Отделения русского языка и литературы в Австралии; заведующая отделением (старший преподаватель – заведующий (Senior Lecturer-in-charge) 1952; Reader-in Charge 1967).

1949-50 – Командировка (Flying Scholarship) в Англию, Францию, Бельгию, Голландию. Оксфорд.

1956-1957 – Преподавание в Оксфорде (кроме того, в 1951 и 1960) первая поездка в Россию после 1917 года. Была приглашена читать лекции в МГУ в 1968.

1958 – Приглашена Академией Наук на Конгресс славистов в Москве; встретила внука Толстого, Ахманову, Фасмера, Унбегауна и др.

1950-е – Работала в Совете школ (Schools Board), AUMLA (Австралоазиатская ассоциация университетских преподавателей языков и литературы), различных университетских комитетах, в женском совете комитета центра искусств... Организовала, с помощью двух выпускников, Луиса и Джорджа Каррингтон «Международные вечера» в мэрии в Вильсон-холле Мельбурнского университета: они принесли очень не-

плохой доход для библиотеки Бэйли (Baillieu) , кроме того, это были одни из первых значительных мероприятий «этнического» характера в штате Виктория.

Президент Ассоциации учителей русского языка.

Русское отделение организовало несколько пьес, концертов, публичных лекций и т.п.; много мероприятий вне программы.

1950-е – 1970-е – была на различных конгрессах в Австралии, Новой Зеландии, Европе и США, выступала с докладами, принимала участие в дискуссиях и в организации. Выступала по радио ABC с лекциями о Пушкине, Лье Толстом, Пастернаке, Солженицыне, Лидии Чуковской, Кузнецове, Шолохове и др.

1967 – 1977 – Основала журнал «Melbourne Slavonic Studies»; основала Австралийскую и новозеландскую ассоциацию славистов; представляла Австралию в Исполнительном комитете международной славистской ассоциации. Правительственный переводчик с русского на нескольких международных научных конгрессах. Австралийский педагогический колледж.

Литература

1. Nina Christesen Remembered // Russians in Australia series (founded, sponsored and edited by Nina Christesen), now under the general editorship of Prof. Oleg Donskikh. University of Melbourne. 2003. No. 30. 159 p.